

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Звезда

6
ИЮНЬ
1976

■ ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД.

Д. С. Лихачев

ГИПОТЕЗЫ ИЛИ ФАНТАЗИИ В ИСТОЛКОВАНИИ ТЕМНЫХ МЕСТ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

«Слово о полку Игореве» привлекает внимание широких читателей и множества исследователей-любителей, которые, не являясь филологами, серьезно им занимаются и сделали немало интересных открытий. Некоторые из работ любителей печатаются в научных изданиях — таких, например, как Труды отдела древнерусской литературы АН СССР.

Естественно, что любовь к «Слову» заставляет этих любителей искать и обнаруживать в «Слове» то, что им близко и что их волнует, — «обнаруживать», но не навязывать «Слову». Последнее очень важно. Навязывание «Слову» своих идей и концепций тоже имеет место, но оно отнюдь не расширяет и не углубляет наших представлений о «Слове», а заставляет специалистов тратить время на опровержение этих взглядов и трактовок, изрядно иногда засоряющих нашу науку.

С огорчением должен сказать, что книга известного казахского поэта Олжаса Сулейменова «Аз и я» (Алма-Ата, 1975), наполовину посвященная «Слову», нашего понимания «Слова» отнюдь не углубляет.

В своей вступительной статье, рассматривающей историю изучения «Слова», О. Сулейменов выступает с научными и моральными наставлениями по поводу того, как следует изучать «Слово», и с сеговыми на состояние науки о «Слове». Именно этот наставительный характер книги О. Сулейменова заставляет меня подробно на ней остановиться и постараться ответить на те методологические рекомендации исследователям «Слова», на которые он так щедр в своем труде.

Четыре главные мысли внушает нам автор:

1) «Вся литература по „Слову“, накопившаяся за два века непрерывного изучения, посвящена одному вопросу — подлинно ли „Слово о полку Игореве“» (стр. 10).

2) «В этих условиях самая ценная фигура в науке — скептик» (стр. 16).

«Скептик — это пчела с жалом, которую невежественный садовник отгоняет от цветов заповедного сада. Но именно пчела, вторгаясь в цветок, опыляет его. Охраняя от мохнатого разбойника драгоценный нектар, мы губим будущие плоды» (стр. 16).

3) Все изучение «Слова» ничего не дало науке. «...В последние десятилетия советская „словистика“ (то есть наука о «Слове». — Д. Л.) находится в состоянии динамической статики, природа которой не в самой науке, а возле нее» (стр. 15).

4) Главная причина неудач — патриотизм защитников подлинности «Слова», подавляющий научную инициативу скептиков. «За два века ораторства в библиографии по „Слову“ накопилась не одна сотня названий, в которых, как в болоте, буксуют одни и те же аргументы, не всегда научные, но всегда патриотические» (стр. 17).

* * *

Стоит здесь немного задержаться и напомнить читателю о тех исследованиях «Слова», которые О. Сулейменов обвиняет в бесплодном ораторстве. Это, например, исследования языка «Слова», принадлежащие С. П. Обнорскому, Л. А. Булаховскому, Н. М. Дылевскому, В. В. Колесову, В. Л. Виноградовой, текстологические исследования взаимоотношения с «Задонщиной» Н. К. Гудзия, В. Ф. Ржиги, Р. П. Дмитриевой, О. В. Творогова, М. А. Салминой, стиля и фольклоризма «Слова» В. П. Адриановой-Перетц, В. Н. Перетца, Н. П. Андреева, исторической основы «Слова» М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, М. Д. Приселкова, А. В. Соловьева, тюркизмов «Слова» В. А. Гордлевского, С. Е. Малова, А. Зайончковского, К. Менгеса. Да мало ли еще исследователей, открывших нам новые перспективы в изучении «Слова», давшие новое понимание «Слова» — его эстетической и исторической основы?

«Если бы математика и физика, — пишет О. Сулейменов, — испытали та-

кое насилие (!) патриотического подхода, человечество и сейчас каталось бы на телеге» (стр. 16). Разберемся в этом положении О. Сулейменова.

Заблуждение О. Сулейменова очень печально. Истинный патриотизм не может творить насилий и идти против правды. Замалчивает истину, стремится приукрасить действительность только шовинизм, грубый национализм. Только националисты, в глубине души не верящие в свой народ и его культуру, искусственно преувеличивают заслуги своего народа, приписывают ему мнимые качества и заслуги. Подлинный патриотизм не тормозит, а стимулирует изучение родной культуры. Патриотизм нельзя смешивать с национализмом.

Оговорюсь также, что тенденциозность в изучении памятника необходимо решительно отделять от нетенденциозной заинтересованности памятником как таковым. Нетенденциозная заинтересованность памятником, например, такая: исследователь восхищен красотой памятника, исследует тайну его эстетической притягательности, но не пытается внести в него современные эстетические требования — не объявляет его реалистическим (в духе реализма XIX—XX веков), не видит в нем выражения собственных идей.

Тенденциозной же заинтересованностью в памятнике я признаю такое, при котором исследователь стремится волевым образом найти в памятнике то, что кажется ему наиболее красивым, нравственным, идейно высоким, свою какую-либо концепцию или свои пристрастия, «улучшить» его.

Нельзя также согласиться с утверждением О. Сулейменова, что самая ценная фигура в науке — скептик, и что только скептик «оплодотворяет науку».

Вопрос о скептиках в науке — вопрос серьезный, и на нем также стоит особо остановиться. Скептицизма в отношении древнерусских памятников теперь более чем достаточно, и это касается не одного «Слова». Э. Киннан в США подвергает, например, сомнению принадлежность XVI веку сочинений Грозного и Курбского, «Казанской истории», собирается подвергнуть сомнению и еще ряд памятников XVI века. Э. Киннан также оправдывает и утешает себя тем, что он вносит творческое, подлинно научное начало в изучение памятника. Однако прежде всего заметим: исследование памятника отнюдь не ограничивается проверкой его подлинности. Напротив, проверка подлинности — это только самое начало исследования, вернее, первая ступень к исследованию. Последующие же вопросы, встающие перед ученым — историком, лингвистом, литературоведом, палеографом, текстологом и прочими, — неизмеримо сложнее и

обширнее. Скептик в элементарном смысле этого слова для последующего исследования фигура ненужная. Он может только напомнить о своем существовании, призвать исследователей вернуться к первому этапу изучения памятника — к этапу определения его подлинности. Для исследователей памятника как достоверного факта нужны уже совсем другие «скептики» — подвергающие сомнению не подлинность памятника, а подлинность и достоверность самого научного метода, которым пользуются его современники и пользовались предшественники. Но об этих скептиках у О. Сулейменова речи нет.

В качестве именно такого, последнего «скептика» попытаюсь показать неправильность и тенденциозность тех методических «установок», с помощью которых О. Сулейменов навязывает памятнику свои представления о нем.

Как это ни странно, но именно О. Сулейменов высказывается о том, что нельзя к источнику подходить с предвзятыми требованиями. Он пишет: «Академик Б. Д. Греков в капитальном труде „Киевская Русь“ (1953 год) обобщил широкий материал, накопленный летописями. В предисловии он (Б. Д. Греков.— Д. Л.) писал: „И письменные и неписьменные источники к нашим услугам. Но источник, какой бы ни был, может быть полезен лишь тогда, когда исследователь сам хорошо знает, чего он от него хочет“. В этих словах изложена суть метода, принесшего много бед историографической науке» (стр. 173). Метод, конечно, неправильный, если принять толкование слов Грекова Сулейменовым, но, к счастью, Б. Д. Греков сам его не применял. В полной же мере он применен именно О. Сулейменовым. И применен, надо сказать, в самой наихудшей, неуклюжей и наоткровеннейшей форме.

В конце своей небольшой вступительной главы, где О. Сулейменов рассматривает историю изучения «Слова», он дает собственную совершенно фантастическую концепцию истории создания «Слова» (стр. 22—27; менее 6 страничек). Опираясь на эту никак не обоснованную концепцию, О. Сулейменов в дальнейших главах трактует текст «Слова» и дает собственные реконструкции авторского текста.

Эта концепция О. Сулейменова не может рассматриваться как рабочая гипотеза или просто гипотеза. Научная гипотеза требует, чтобы в ее пользу была высказана хоть какая-нибудь аргументация, и чтобы было учтено все, что так или иначе может ей противоречить.

Концепция О. Сулейменова и не простое предположение. Предположение также требует, чтобы оно было правдоподобным и не вступало в противоречие с фактами эпохи.

То же требование предъявляется, в общем, и к научной фантазии, если только эта научная фантазия имеет дело с фактами и памятниками. Только если нет конкретного прикрепления к эпохе, стране и памятникам, фантазия свободна от ответственности перед исторической действительностью.

Концепция, которую О. Сулейменов кладет в дальнейшем в основу своей реконструкции авторского замысла «Слова о полку Игореве», не имеет права быть свободной от этой ответственности.

Попробую вкратце изложить суть концепции О. Сулейменова. Историю «Слова» О. Сулейменов разбивает на четыре этапа. Свое изложение О. Сулейменов начинает прямо со второго этапа, так как первый этап — авторский — О. Сулейменов восстанавливает в зависимости от последующих трех.

Так вот, второй этап — это точно 1240 год: год взятия Киева войсками Батые. Списки «Слова» XIII века (то есть, очевидно, писанные между 1200 и 1240 годами) хранились именно в Киеве, и отсюда после взятия Киева войсками Батые в 1240 году оставшаяся от уничтожения часть их была перевезена на Север (в дальнейшем О. Сулейменов говорит о Северо-Западе, очевидно, имея в виду Новгород и Псков). Хранились эти списки «Слова» первоначально в княжеских библиотеках (О. Сулейменов считает, очевидно, что в Киеве их было несколько), а у церковников эти списки не хранились, так как считались «черными книгами» (что значит «черные книги», не совсем ясно: в источниках этот термин не встречается). В эпоху «избиения волхвов» (что это за эпоха, О. Сулейменов также умалчивает, летопись же знает только одно избиение волхвов — в 1071 году, то есть задолго до возможного написания «Слова») «произведения, насыщенные языческим колоритом, попросту смывались, и пергамент использовался для „правильных писаний“» (стр. 23). Увозимые из киевских княжеских библиотек книги попадали на Северо-Западе в монастырские библиотеки. Так как «Слово», по мнению О. Сулейменова, не могло быть использовано для воспитания патриотизма (оно повествовало не о победе русских, а о поражении мелкого «князька»)¹, то списки «Слова» «смывались», и от них к XIV веку уцелело только два экземпляра.

¹ О. Сулейменов считает, что «в эпоху тотального поражения от степняков» (стр. 23) «воспитанию патриотизма» могли способствовать только сюжеты о победе русских. Это утверждение не только лишает патриотического значения такие произведения, как «Слово о погибели Русской Земли», «Китежская легенда», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и про-

В конце XIV века наступает третий этап в судьбе «Слова». В одном из московских монастырей (следовательно, список «Слова» переместился с Сезеро-Запада на Северо-Восток) один из двух списков «Слова» попадает в руки Софония «резанца». Под «резанцем» О. Сулейменов понимает русского, перешедшего в мусульманство и подвергнувшегося обрезанию, а затем вернувшегося в христианство и даже сумевшего каким-то образом, несмотря на свое прошлое, стать монахом московского монастыря. В «резанца» О. Сулейменов превращает Софония рязанца (рязанец и резанец, то есть житель Рязани или Резани, как иногда писалось название города в XII—XVII веках). Софоний замысливает сделать плагиат из «Слова», для чего переделывает его текст в повествование о победе русских на Дону. (Замечу от себя, что такое навязывание книжникам Древней Руси современных представлений об авторской собственности ни с чем не сообразно. В древнерусской письменности постоянно переделывались предшествующие произведения, и это не считалось литературным воровством, так как не было понятия литературной собственности. Таких переделок не скрывали и их не стыдились.) Любопытна «творческо-производственная характеристика» (выражение самого О. Сулейменова), которую он выдает своему «резанцу: «монах — копиист летописей, достаточно образованный по тем временам книжник, имеет склонность к литературному творчеству, развитую многолетними упражнениями по переписке и редактированию старых рукописей (все-то О. Сулейменов знает! — Д. Л.); этим же занятием воспитана способность к подражательству, оригинальным художественным даром не обладает» (стр. 23). Опускаю красочное сравнение Софония с бездарным капельмейстером, пытающимся создавать собственную музыку из обрывков «Амурских волн» и похоронных маршей. Вот этот-то «резанец» нашел список «Слова» в «книжных завалах хранилища, которые, возможно, не разбирались с XIII века» (стр. 24), и решил, что второго списка нет и что он может безопасно для себя использовать список для своего плагиата, а затем уничтожить его. Он так и поступает.

Четвертый и самый важный для дальнейших построений О. Сулейменова этап наступает в XVI веке (впрочем, в одном месте тут же, на стр. 26,

чие, но свидетельствовало бы о крайней примитивности самого древнерусского патриотизма. На самом деле патриотизм древнерусской литературы был *содержательным* патриотизмом и весьма глубоким. Он был в высокой степени свойствен всем произведениям, в том числе и произведениям о поражениях.

О. Сулейменов время действия этого четвертого этапа относит к XV—XVI векам). Почему именно XVI или XV—XVI века? Очевидно, О. Сулейменов принял на веру предположение некоторых исследователей «Слова», что список, попавший к А. И. Мусину-Пушкину, был именно этого времени. Между тем, предположение это основывалось в литературе о «Слове» на соображениях палеографического характера (в XV—XVI веках лигатура «т» и «р» писалась близко к «з» и могла породить в Екатерининской копии прочтение «Зояни» вместо «Трояни»), которые в дальнейшем (стр. 119—120) О. Сулейменов сам же решительно отвергает¹. Список XIII века, найденный в книжных «завалах» московского монастыря (странные представления о монастырских библиотеках у О. Сулейменова), стал переписываться переписчиком XVI века. Главное участие во всех последующих предположениях и утверждениях О. Сулейменова принимает именно этот переписчик XVI века, которого О. Сулейменов для краткости обозначает затем шифром «П16». Именно он внес в свой список, доставшийся затем А. И. Мусину-Пушкину, все то, что не нравится в нем О. Сулейменову. Он, действительно, так часто упоминается в книге, что условное обозначение его тремя знаками приносит книге О. Сулейменова существенную экономию.

Как оказывается в дальнейшем, «Слово» — памятник двуязычный, русско-половецкий. Автор «Слова» не был настроен антиполовецки. Половецко-русскую вражду 1185 года автор считал не более чем междоусобной ратью между своими. И даже главная отрицательная фигура в «Слове» — не Кончак или Гза, а сам Игорь Святославич — «человек с дьявольскими чертами» (стр. 97). В XIII веке в «Слове» было много половецких слов и выражений, половецких культурных понятий. Только некоторые из них сохранились, а большинство удобный для О. Сулейменова персонаж «П16» («невидимый переводчик» «Слова») переделал на русский лад, частично искажив по непониманию.

«П16» боролся именно с этой половецкой частью «Слова», так как язычество «Слова» не могло смущать цер-

¹ О. Сулейменов безапелляционно заявляет: «Предположим, что писец перепутал лигатуру „тр“ и букву „з“, что невозможно при всем желании. Эти знаки даже отдаленно не похожи в рукописях друг на друга» (стр. 119—120). Да видел ли сам О. Сулейменов эти «знаки» в рукописях? Ведь лигатура «тр» и буква «земля» не только сходны, но поразительно сходны и вполне оправдывают появление в Екатерининской копии «Слова» слова «Зояни» вместо «Трояни».

ковников в XVI веке — веке, когда, по мнению О. Сулейменова, царствовала наибольшая церковная терпимость. Согласно О. Сулейменову, церковь в XVI веке одряхла, потеряла воинственность, вера обратилась в привычку, хотя «книги еще сжигаются торжественно при народе» (по-видимому, О. Сулейменову известны конкретные случаи?). О. Сулейменов не считает необходимым при этом хотя бы упомянуть, что в исторической науке и в истории русской литературы существуют прямо противоположные представления о XVI веке и о роли тогдашней церкви.

Завершает изложение своей концепции О. Сулейменов следующими словами: «И лег на стол монаха последний пергаментный список „Слова о полку Игореве“. Подновив, он выпустил его в свет в бумажных сборниках, один из которых приобрел в XVIII веке Мусин-Пушкин. Другой, возможно, мелькнул на Печоре в XX веке. А третий увез с астраханского базара таинственный казах...» (стр. 27). Последние два списка («печорский» и «астраханский») — свидетельство легковерия О. Сулейменова, решившего включить в свою концепцию рассказы, взятые из вторых рук парижской газетой «Русские новости» (1948, № 186) и рассказ «одного из учеников» В. Н. Перетца о якобы виденном им на астраханском базаре экземпляре «Слова».

Я не могу критиковать эту фантастическую концепцию. Это и не нужно: нельзя в принципе любую, даже самую хорошую концепцию класть в основу, в начало исследования. Концепция — это результат исследования.

Обратимся теперь к некоторым конкретным истолкованиям О. Сулейменовым отдельных «темных мест» «Слова», предложенным им в свете своей концепции, но предварительно сделаем несколько замечаний о том, каким условиям должны вообще удовлетворять любые истолкования «Слова о полку Игореве».

Как известно, в «Слове о полку Игореве» еще много отдельных мест, не получивших удовлетворительного объяснения. Поэтому появление новых толкований этих «темных» мест, новых исправлений текста следует только приветствовать. К таким темным местам, не получившим ясного истолкования, принадлежат, например, следующие места: «свистъ звѣринъ въ стазби», «на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю», «суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломи латинскими», «и схоти ю на кровать, и рекъ», «и стругы ростре на кусту», «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти» (цитирую по первому изданию «Слова», СПб., 1800).

Прежде всего исследователь должен доказать, что то или иное место действительно нуждается в исправлении и существующий текст никак не может быть принят. Переиначивать ясный и простой текст, исходя из собственных предвзятых представлений о памятнике, недопустимо принципиально. Всякая гипотеза или даже предположение должны быть прежде всего *необходимы*. В самом деле! Одному исследователю захочется уменьшить в «Слове» элемент таинственного, и он заменит Дива на «дива» — половца. Другому захочется уменьшить в «Слове» и без того слабый в нем церковный элемент, и он заменит обычное заключительное «аминь» на «честь» («а дружине честь»). Третий соберется увеличить в «Слове» весомость своего этноса. Идя по этому пути, исследователи станут менять текст в зависимости от различных конъюнктурных соображений, и мы вообще останемся без твердого текста памятника.

Второе условие выдвижения новой гипотезы: необходимо доказать, что предлагаемое новое объяснение проще и яснее предлагавшихся ранее. Для этого исследователь должен, разумеется, полностью знать всю существующую литературу и «публично», перед своими читателями с полной честностью (не скрывая сильных сторон сделанных до него предположений) показать их неудовлетворительность.

В-третьих, исследователь должен доказать, что новое исправление не противоречит данным истории русского языка, палеографии, истории, эстетическим представлениям своего времени.

В-четвертых, если исследователь берется исправлять текст, он должен быть компетентен во всех этих вопросах и не перелagать свои обязанности на каких-то будущих специалистов.

Разумеется, исследователь должен уметь ориентироваться в литературе вопроса, как бы она ни была обширна. К счастью, в большой литературе о «Слове» существуют хорошие ориентиры: библиографии Л. А. Дмитриева и В. П. Адриановой-Перетц, «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“» В. Л. Виноградовой (вып. 1, Л., 1965; вып. 2, Л., 1967; вып. 3, Л., 1969; вып. 4, Л., 1974), книга В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков» (Л., 1968), книга Ф. М. Головенченко «„Слово о полку Игореве“». Историко-литературный и библиографический очерк» (М., 1955), и многие другие. Кстати сказать, ни одно из этих изданий, при обилии жалоб на обширность литературы, в книге О. Сулейменова даже не упомянуто.

Перечисленными условиями, разумеется, не могут быть ограничены требования к исследователям «Слова». Укажу еще на одно, очень важное.

Предлагая свои поправки, исследователь обязан по возможности привести аналогии и параллели, указать на случаи употребления в древнерусском языке именно предлагаемого слова и именно в том значении, которое указывается исследователем. Если исследователь не может подкрепить свое исправление существованием сходных текстов, — вероятность его исправления сильно ослабевает. Между предлагаемыми исследователями типами исправлений существует своеобразная, но достаточно отчетливая иерархия. В первую группу входят исправления, опирающиеся на реально существовавшие слова и на их реально бытовавшие, а не придуманные, значения. Во вторую группу входят исправления, хотя и опирающиеся на реально существовавшие в текстах слова, но с незарегистрированными значениями этих слов. В третью группу входят исправления, вводящие искусственные слова, увеличивающие в «Слове» число «гапаксов» (то есть слов, отсутствующих в других памятниках). Все три группы могут быть усложнены степенями палеографической правдоподобности. Несомненно, что палеографически наиболее правдоподобны те исправления, которые меняют только деление на слова, не вводя новых букв. Как известно, деление на слова внесено в текст «Слова» его первыми издателями. Менее достоверны исправления, сохраняющие общий счет букв и вносящие лишь незначительные замены отдельных букв при общей графической схожести исправляемых букв с теми, которые они заменяют в первом издании и Екатерининской копии. Еще менее достоверны исправления, изменяющие общий счет букв, не считающиеся с начертаниями букв, с существовавшими обыкновениями в сокращении слов и так далее.

Разумеется, я предлагаю здесь только самые элементарные приемы оценки исправлений текста, и они не могут заменить исследователю *филологической грамотности*, не могут предусмотреть всех сложностей, с которыми исследователь сталкивается, особенно, допустим, при объяснении и исправлении иноязычных элементов текста.

Укажу все же еще на одно общее соображение, которое надо иметь в виду исследователю, критикующему своих предшественников. Принимая то или иное прочтение текста, издатель «Слова» не всегда считает избранное им прочтение полностью удовлетворительным. В тех случаях, когда то или иное темное место никак не может быть исправлено с полной убедительностью, достоинством условно принимаемого исправления является его «нейтральность» по отношению к остальному тексту «Слова»: то есть отсутствие новых сильных образов, особенно образов, выпадающих из об-

щей эстетической системы «Слова». Издателям «Слова» сплошь и рядом приходится избирать из существующих толкований наиболее «незаметное». Приблизительно так поступают, например, реставраторы древней живописи: они покрывают исчезнувшее в красочном слое место нейтральным тоном. Мне лично приходится поступать именно так в изданиях «Слова» во всех указанных мною выше темных местах, не имеющих, по моему мнению, достаточно обоснованных толкований и конъектурных исправлений.

Известный исследователь «Слова» И. П. Еремин предложил другой способ «преодоления» такого рода «неисправимых» темных мест: он просто опускал их в своем издании. Вряд ли, однако, этот способ может дать наилучший выход из положения. Получающиеся от этого в тексте «Слова» «зияния» разрушают цельность эстетического впечатления и все равно вносят произвольное изменение в текст. Пропуски в тексте отнюдь не нейтральны по отношению к соседним местам текста.

Если в свете изложенных элементарных требований к исправлениям и к критике своих предшественников подойти к предположениям и гипотезам О. Сулейменова, то общая картина будет мало отрадной. О. Сулейменов предлагает исправлять вполне понятные места «Слова», заменяет обычные слова и выражения гапаксами, не считается с правдоподобностью и степенью вероятности уже сделанных предложений — и так далее.

Так, например, многие ясные выражения «Слова» О. Сулейменов считает кальками с различных диалектов половецкого языка, сделанными в XVI веке (тем самым «П16», о котором мы уже говорили выше). В авторском тексте «Слова» был якобы не «злат стол», а «алтын такта» (княжеский стол), не зарегистрированная в древнерусских летописях «беля», а «акша» — серебряная монета. «Осмомысл», согласно О. Сулейменову, это перевод, сделанный переписчиком XVI века, казахского «Сегиз кырлы» — «восьмиугольный» («мыс», по О. Сулейменову, означает в древнерусском языке «угол»), и означает в казахском эпосе «умелый в бою джигит». В авторском тексте «Слова» так якобы и было — «Ярослав Сегиз Кырлы».

Вот какой вид приобретает, например, сон Святослава, согласно О. Сулейменову. Оказывается, что Святослав увидел во сне, что его готовят к погребению по тюркскому, тенгрианскому обряду» (стр. 63, подчеркнуто О. Сулейменовым.— Д. Л.). «Тощие тулы», которыми во сне сыплют на Святослава великий жемчуг,— это, оказывается, «тощие вдовы язычников». Непонятно только, каким образом можно сыпать

жемчуг этими «тощими вдовами», ведь в «Слове» сказано, не «тощие тулы» сыплют, а «тощими тулами» сыплют жемчуг. О. Сулейменов произвольно меняет падежи.

Хорошо истолкованное в литературе о «Слове» место «Уже дьскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ» О. Сулейменов переводит так: «престол без князя в моем тереме златоверхом» (стр. 66). Ссылается при этом О. Сулейменов, что «формы „дьскы“ (то есть «диски» или «дески») и „кнес“ — необычны для восточнославянских языков и ни одним памятником древнерусской письменности не подтверждаются» (стр. 66). Но это совершенно неверно: достаточно посмотреть «Словарь-справочник» В. Л. Виноградовой на слово «доска — дьска», чтобы увидеть, что это слово постоянно употребляется в памятниках древнерусской письменности, а «кнес» — князек — постоянен в памятниках фольклора. Именно потому и говорится в «Слове» о «златоверхом» тереме, что речь перед этим как раз идет о его «верхе» — князьке и досках крыши.

Вот отдельные места в авторском тексте «Слова», как он представляется О. Сулейменову: «(Всю ночь с вечера) бусоврамне (възгряху): „Блеснь скана болони беша дебръ кисаю инес ошлюкъ син (ему морю)“» (стр. 82). Русские слова в скобках — это, согласно предположениям О. Сулейменова, вставки переписчика XVI века. Перевод звучит так: «„...бусурмане: «знаешь, как вернуть разум?» Пять железных пут омой — (инес) мстливый ты...“» (Подчеркнутое место мною (О. Сулейменовым.— Д. Л.) не понято)» (стр. 71). Несколько ниже О. Сулейменов пишет: «Для меня главное в этом тексте „дебръ кисан“ — железные путы, кандалы» (стр. 71). Возвращаясь к этому же месту через несколько страниц, О. Сулейменов пишет: «Более десяти лет назад я впервые так прочел „плеснь... дебръ кисань“, непрерывно искал им опровержения и лишь сейчас решаюсь опубликовать эту находку. Ценность ее для истории языковых взаимоотношений Руси и Поля неоценимо велика, и относиться к ней надо со всей бережливостью» (стр. 82). Постараюсь учесть это пожелание О. Сулейменова. Однако почему же О. Сулейменов, призывающий столь «бережливо» относиться к своим собственным домыслам, так небрежен к своим предшественникам?

Обратимся к некоторым другим его исправлениям «Слова», более, казалось бы, правдоподобным.

В «Слове» имеется совершенно ясный текст — «из Кыева дорискаше до курь Тмутороканя». Речь идет о князе-оборотне Всеславе Полоцком, который передвигался ночью «до курь», то есть, как обычно толкуют, до пения петухов, в образе волка. В этом опре-

делении времени «до кур» одновременно подчеркнута то, что Всеслав сохранял свой облик волка только ночью, и быстрота его передвижения, способность за одну ночь преодолеть огромные расстояния. О. Сулейменову кажется, однако, необычной эта форма «до кур», и он иронизирует по ее поводу, находя, что следовало бы сказать «до куров». В своих сомнениях О. Сулейменов не одинок, и у О. Сулейменова есть предшественники: Н. Я. Марр¹, В. В. Мавродин², Д. Д. Мальсагов³ и другие. Однако стоит заглянуть в «Словарь-справочник» В. Л. Виноградовой, и можно легко убедиться, что выражения «до кур» и «в куры» для определения времени («до пения петухов») совершенно обычны в древнерусских памятниках — переводных и оригинальных. Необходимость в ином истолковании отпадает.

Уровень представлений О. Сулейменова о древнерусском языке может быть продемонстрирован на следующем примере. О. Сулейменов пишет: «Святослав, обращаясь к князьям с призывом встать на защиту Русской земли, находит каждому достойное, уважительное определение. И вдруг почему-то к четырем князьям он обращается буквально на ты.

...Ты буй Рюриче и Давыде!
Не вай ли вои злачеными шеломы
По крови плаваша?
...А ты буй Романе и Мстиславе!
Храбрая мысль носить ваю умъ
на дело⁴.

Много буйнов в „Слове“. От Святослава ожидаешь более вежливого обращения. Местоимение „вы“ ему, как и Автору, известно, и в данных примерах оно было бы к месту» (стр. 55—56).

Следовательно, О. Сулейменов учит автора «Слова» вежливому обращению «на вы» — обращению, как известно, заимствованному из французского только в XVIII веке!

Слово «буй» О. Сулейменов знает только в одном значении — «буйный». Он считает, что прозвище Всеволода «буй тур» необычно для русского князя, и приводит обширную выдержку из

¹ Н. Я. Марр. Абхазоведение и абхазы. «Восточный сборник», т. 1, 1936, стр. 126.

² В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 167.

³ Д. Д. Мальсагов. О некоторых непонятных местах „Слова о полку Игореве“. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, т. 1, в. 2. Языковедение. Грозный, 1959, стр. 150, 152.

⁴ За неправильную передачу текста «Слова» в данных цитатах ответственности не несусь.— Д. Л.

книги А. Мазона о «Слове», в которой А. Мазон объявляет это сочетание «американизмом» — «одним из наиболее странных изобретений автора „Слова“» (стр. 54). Прозвания из мира животных О. Сулейменов считает возможными только для «простолудинов». А как же быть в таком случае со следующей характеристикой Романа Галицкого в Ипатьевской летописи под 1201 годом: «Стремил бо ся бяше на поганья яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур»?

Я не имею возможности даже в десятой доле разобрать все те конъектуры и толкования, которыми полна книга О. Сулейменова. Поэтому я привожу только примеры ошибочности его общего подхода к задаче восстановления авторского текста «Слова». Остановлюсь еще на одном вопросе, очень важном для оценки уже чисто палеографических исправлений О. Сулейменова.

О. Сулейменов имеет очень неточные представления о древнерусских рукописях. Между тем в его книге мы имеем постоянные ссылки на обыкновения русских писцов или на те или иные якобы характерные палеографические особенности рукописей. Все они совершенно невежественны, а порой анекдотичны.

Так, например, на стр. 49—50 имеется такого рода утверждение: «Исследователи несправедливо приуменьшают (так! — Д. Л.) роль Переписчика. Почему-то выгодней видеть в нем копииста и не больше, вопреки известному положению — копировалось механически, почти машинально лишь священное писание; даже клякса чернильная, сделанная в ранней копии, повторялась последующими книгописцами (интересно было бы узнать хотя бы об одном конкретном факте такого рода.— Д. Л.); произведения же светской литературы не копировались, а переводились (так! — Д. Л.) на язык переписчика. Переписчик был волен сокращать оригинал и вносить дополнения, расшифровывать имена и пояснять реалии». Исходя из этого крайне упрощенного и неточного представления о практике переписывания рукописей в Древней Руси, О. Сулейменов считает «Слово» одновременно произведением и XII, и XVI веков. А почему также и не XIII, XIV и XV веков? Разве есть доказательства, что в эти века «Слово» не переписывалось?

О. Сулейменов решительно утверждает, что сочетание «къ» «в рукописном исполнении (где? каком? — Д. Л.) похоже на древнерусскую букву „я“» (стр. 45), но при этом не приводит ни одного примера и не разъясняет даже, что он имеет в виду под древнерусской буквой «я». Такой буквы в древнерусских почерках до XVII века во-

обще не было; были только исс малый и йотированное «а».

На основании такого рода палеографических «наблюдений» О. Сулейменов делает предположение, что никакого «Трояна» в «Слове» не было, а была Тматорокань, довольно странно, впрочем, писавшаяся: «Трокънь»!

Я лишен возможности даже в со-той доле перечислить все исторические фантазии О. Сулейменова. Он преподносит их как всем известные факты или выдает за сведения из летописей.

Резко критикуя, например, труд покойного специалиста по хазарам М. И. Артамонова «История хазар» (1962) за недооценку хазар в русской истории, О. Сулейменов пишет: «Почему-то в книге не нашлось места хотя бы для такой справки из русских летописей, которые сообщали, что Киев, ставший центром русского государства, основали хазары» (стр. 176). Древнейшая русская летопись, как хорошо известно, сообщает, что Киев основан Кием из племени полян. Но О. Сулейменов внушает читателю, что Киев основан хазарами, что факт этот известен летописям и что М. И. Артамонов якобы злостно скрывает от читателя этот бесспорный факт!

Весь раздел, посвященный исторической основе «Слова» и носящий название «Честное „Слово“» (все другие изображения его исторической основы, следовательно, нечестны в корне), написан в этом роде, с такого же рода свидетельствами и таким же именно изображением исторических событий, предшествовавших событиям «Слова» или легшим в его основу.

Снова повторяю: я лишен возможности опровергнуть все те многочисленные фантазии и прямые ошибки, которые имеются в книге О. Сулейменова, написанной, надо прямо сказать, без всякого чувства ответственности перед историческими фактами. Но на одной ошибке О. Сулейменова я все же хочу особо остановиться. Она хорошо показывает степень его компетентности и степень его тенденциозности.

Князь Игорь Святославич, по О. Сулейменову, сын половчанки. Между тем об отце Игоря, русском князе Святославе Ольговиче, точно известно, что он женился в 1136 году в Новгороде на простой новгородке. Вот что сказано в Новгородской первой летописи XIII века под 1136 годом: «В то же лето оженися Святослав Олговиць Новегороде, и веньцяся своими попы у святого Николы; а Нифонт (новгородский архиепископ.— Д. Л.) его не веньця, ни попом на сватбу, ни церенцем (чернецов.— Д. Л.) дасть, глаголя: „Не достоить ея пояти“». Родился Игорь от этой новгородки в 1151 году.

О. Сулейменов «озабочен» восстановлением «нравственной атмосферы» в науке о «Слове». Но что такое эта нравственная атмосфера в науке? Прежде всего, думается, уважение к фактам, соразмерность выводов с собственной компетенцией в изучаемом вопросе, соблюдение элементарных методических приемов и правил, уважение к предшественникам, полное знакомство с литературой по изучаемому вопросу. Наука и нравственность неразрывны. Нравственность в науке — это прежде всего научная честность, научная осторожность, отсутствие предвзятости, одностороннего стремления навязать изучаемому памятнику заранее постулируемые качества.

Меня, как русского, очень трогает стремление О. Сулейменова вложить в «Слово о полку Игореве» черты своего, тюркского этноса. Трогают меня и другие проявления любви О. Сулейменова к «Слову». Но одно дело — область читательских чувств, другое — наука.

Хотелось бы подать О. Сулейменову и другой совет. Нельзя путать различные литературоведческие жанры. Серьезность темы, которой посвящена книга, и серьезность научных претензий, которые в нее вложены, требуют и серьезности исполнения. Нельзя на такие темы писать романизированные исследования, утомительно оснащая их всевозможными остротами, каламбурами и ребусами. Штукарство не к лицу ответственной теме. Легкий успех у читателя, «успех скандала», не должен радовать уважающего себя автора.

Я верю в Сулейменова и верю, что сейчас ему стыдно за некоторые места своей книги; например, за такие: Игорь «не сокол, а презренная птица, питающаяся падалью» (стр. 106), В. Н. Татищев — это русский интеллигент, почувствовавший обиду «за подлое прошлое» народа (стр. 98) и стремившийся поэтому исправить его самыми грубыми фальсификациями; «Комплекс неполноценности, вызванный Игом (очевидно, неполноценности национальной — русской, вызванной татаро-монгольским игом.— Д. Л.), заявил о себе в работах первых же русских историков, начиная с Татищева» (стр. 187). Никто не идеализирует Игоря (разве что в опере Бородина, где господствуют законы оперного жанра), никто не идеализирует и В. Н. Татищева, при всем признании его заслуг перед исторической наукой. Однако нельзя на основании наличия некоторой исторической ограниченности того или иного лица переходить в «тотальное» (выражение самого О. Сулейменова) охаивание тех или иных персонажей русской истории или деятелей русской науки.